

<На правах рукописи

Россиус Андрей Александрович

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПОЭТА

(на материале поэмы Арата из Сол “Явления”)

Специальность 10.02.14 — Классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва – 1996

Оппоненты: действительный член РАН, д.ф.н. М.Л. Гаспаров,
член-корр. Грузинской АН, д.ф.н. Р.В. Гордезиани,
д.ф.н. Н.С. Гринбаум.>

Реферируемая работа¹ посвящена общей интерпретации поэмы Арата из Сол (ок. 310-254?) "Явления". Единственное сохранившееся до наших дней сочинение плодовитого автора, эта поэма остается одним из самых загадочных и недостаточно изученных произведений античной литературы. С одной стороны, именно "Явления", как никакой другой литературный образец эпохи эллинизма, воплощают в себе идеалы александрийской поэзии; с другой стороны, в силу многих причин "Явления" – слишком своеобразный памятник, чтобы его можно было без серьезных оговорок ставить в один ряд с творениями современников или предшественников Арата. Начиная с эпохи эллинизма и до наших дней источником неисчислимых трудностей для истолкователей служит уже сам предмет "Явлений", менее всего, как кажется, подходящий для поэтического решения, – ведь поэма не только описывает созвездия и сообщает некоторые звездные мифы, но и отдает значительную часть своих стихов таким техническим вопросам, как механика небесных кругов, проблема согласования лунного и солнечного календаря, учение об одновременных восходах и заходах созвездий (т. н. *параватέλλουτα*), которым в горизонтальной системе координат отводится роль едва ли не самого главного вида наблюдательных данных, и т. п. Взгляды филологов XX века на возможности и последствия поэтизации такого предмета, как и взгляды старинных комментаторов, полярны – от анонимного автора одного из античных жизнеописаний Арата, придумавшего легенду о царской прихоти Антигона Гоната, из-за которой *врачу* Арату пришлось писать поэму о звездном небе, до Гиппарха, величайшего астронома древности, посвятившего серьезному

¹ Настоящая работа представляет собой продолжение и развитие исследований, результаты которых впервые были опубликованы мною несколько лет назад в книге *Небо, наука, поэзия* (М.: Издательство Московского университета, 1992); с другой стороны, она может рассматриваться как монографическое введение к научному комментированному изданию текста "Явлений", которое готовится к печати в издательстве "ИНДРИК" и должно выйти в свет в 1996 г. Композицию первой книги предопределило стремление дать реконструкцию одного из нескольких известных нам античных изданий поэмы Арата; характерной чертой этих изданий было обилие разнообразных "Введений", трактатов о глобусах, о звездной мифологии, о геометрии сферы, о приметах погоды, жизнеописаний поэта, схолиев и других сочинений, окружавших основной текст и служивших прояснению его предметного содержания. По моему твердому убеждению, знание историко-литературного фона "Явлений" есть необходимый элемент подхода к правильному пониманию Арата; поэтому диссертация писалась в расчете на то, что ее читатели будут знакомы с книгой 1992 г., и что вопросы, достаточно рассмотренные в одной работе, не будут более выясняться в другой.

разбору и критике астрономического содержания “Явлений” труд своих молодых лет; от Б. ван Гронингена,² объявившего поэму Арата первым образцом истинно чистой поэзии, сознательно играющей с максимально непоэтическими темами, до М. Эррена,³ стремящегося объяснить астрономические неточности “Явлений” при помощи изощреннейшей теории, согласно которой Арат описывал не звездное небо, а звездный глобус, ось которого оказалась установленной под неправильным углом. Серьезным препятствием на пути к пониманию поэмы стоит ее загадочная композиция: Арат словно предлагает читателям решить ребус – какая возможна связь между астрономической и метеорологической частями его творения, каждая из которых снабжена своим вступлением и заключением и более всего похожа на самостоятельный небольшой дидактический эпос? Парадоксальна и тщательно культивируемая стихотворная форма “Явлений”: кажется, будто все усилия поэта специально направлены на то, чтобы читателю как можно труднее было заметить постоянную напряженную игру смыслов, возникающие почти в каждой строке образы из Гомера, Гесиода, Эмпедокла и других поэтов, едва уловимые отзвуки размышлений о серьезных философских проблемах; вся изысканность и утонченность аратова слога словно намеренно скрыта от посторонних глаз за внешне неброскими и на первый взгляд бесхитростными гекзаметрами.

Когда мы имеем дело с таким необычным памятником литературы, даже самый исчерпывающий комментарий к каждой строке, даже полное и окончательное прояснение всех конкретных вопросов не приведет нас к успеху, если нам не удастся найти тот единственный контекст, в котором все детали сольются в соразмерное целое, и это целое, собственно, и будет творческим обликом нашего поэта. Иными словами, мы должны попробовать воссоздать целостный художественный мир Арата. В этом и состоит *цель* настоящего исследования. Для достижения ее необходимо сперва сосредоточиться на нескольких спорных, неразрешенных до сего дня проблемах, а затем, наконец, постараться найти то, что делает их элементами одной

² Groningen, B.A. van. *La poésie verbale grecque. Essai de mise au point (Mededlingen Nederlandse Akademie van Wetenschappen N.R. afd. Letterkunde 16, 4)*, Amsterdam 1953, 106-108.

³ Erren, M. *Die Phainomena des Aratos von Soloi, Untersuchungen zum Sach- und Sinnverständnis (Hermes Einzelschriften Heft 19)*, Wiesbaden: Franz Steiner Verlag 1967, 101-151.

поэтической системы. “Художественный мир текста... есть система всех образов и мотивов, присутствующих в данном тексте”.⁴ Даже это, казалось бы, исчерпывающее по широте определение художественного мира рискует оказаться неточным в применении к “Явлениям”, если мы не включим в понятие образа и мотива устойчивое представление или верование автора, которое может присутствовать в тексте самым незаметным образом или даже вообще косвенно, лишь влияя на другие элементы художественной системы, – если только это влияние можно достоверно установить. В противном случае у нас просто может не быть шанса найти некоторые (порой ключевые!) из этих образов и мотивов.

До выхода в свет в 1992 г. первой книги диссертанта об Арате отечественная библиография по классической филологии не содержала ни одной работы, специально посвященной нашему поэту. Этим определяется и актуальность, и практическая ценность настоящего исследования: без адекватного понимания поэтики Арата немислима реконструкция литературного процесса эпохи эллинизма; без ясной (и достоверной) концепции этого процесса нельзя надеяться ни на преодоление тех значительных трудностей, с которыми университетские и институтские курсы истории греческой литературы неизменно сталкиваются при изложении александрийского периода, ни на высокий концептуальный уровень в соответствующих разделах систематических пособий по античной литературе, потребность в обновлении которых ощущается уже не один год. Кроме того, специфика предмета “Явлений” обуславливает немалую историко-научную ценность каждого серьезного исследования текста поэмы; новых данных с нетерпением ждут историки астрономии, метеорологии, техники и т.д.

При работе со столь своеобразным произведением особую роль приобретает вопрос о методологической основе исследования. Нет сомнений, что одно из главных препятствий, стоявших до сегодняшнего дня на пути ученых, относится именно к области методологии. Начиная с П. Фестюжера исследователи “Явлений” неизменно признавали огромную роль, которую сыграла приверженность Арата стоической философии. Однако понимание стоицизма Арата до сих пор остается совершенно неадекватным: ученые склонны усматривать едва ли не в любом эпизоде поэмы оптимистическую окраску или же списывать на стоицизм все, что остается в тексте необъясненного с точки зрения их исследовательской позиции. Между тем пример результатов новейшего

⁴ Гаспаров, М.Л. *Избранные статьи (Новое литературное обозрение. Научное приложение* вып. II), М. 1995: 275.

изучения многих философских школ античности должен настораживать нас: философия состоит в конкретных учениях и аргументах, а никак не в общих невнятных декларациях. И, как хорошо стало понятно именно в последние два-три десятилетия, стоицизм как никакое другое течение античной философии стремился дать точные и конкретные ответы на все вопросы, поднятые как философскими предшественниками стоиков, так и вообще самыми разнообразными интеллектуальными течениями – от рода движения, свойственного природе того или иного первоэлемента, до соотношения семантики и этимологии или способов интерпретации великих поэтов древности. Поэтому одна из **первейших задач** предлагаемой работы – внимательно проанализировать поэму Арата с точки зрения тех конкретных сторон стоического учения, которые так или иначе могли отразиться в ее тексте. “Явления” – это поэтическое произведение, значит, его необходимо рассмотреть с точки зрения накопленных к сегодняшнему дню сведений о стоической поэтике, литературной теории и, шире, учении о языке (1). Арат повествует в эпизоде с Дикой о последовательной смене поколений – значит, по крайней мере естественно было бы взглянуть на этот ключевой эпизод “Явлений” с позиций стоической теории исторического процесса и теории государства (2). Наконец, “Явления” – поэма о звездном небе, о космосе; Арат хотя и кратко, но излагает свое видение мироздания. В таком тексте неизбежно, пусть даже в скрытой форме, должна присутствовать некая картина мира, которая не может быть случайной. Следовательно, мы должны быть уверены, что поэма Арата, при взгляде на нее с точки зрения стоической физики, либо станет для нас в чем-то понятнее, либо отчетливо продемонстрирует нам неприемлемость такого подхода (3). Ни один из этих, казалось бы, достаточно очевидных принципов до сих пор не был положен в основу исследования “Явлений” ни в одном научном труде, и отсюда вытекает **научная новизна** предлагаемой работы.

Апробация работы имеет довольно долгую историю. С конца 80-х годов диссертант многократно выступал с докладами и лекциями о своей работе над Аратом и латинскими Aratea как в России, так и за рубежом. В 1991 г. диссертант был избран по конкурсу на место исследователя в Центре по изучению греческой античности (Center for Hellenic Studies) при Гарвардском университете и посвятил полагавшийся ему академический год в основном изучению Арата. Краткий отзыв на вышедшую в 1992 г. книгу диссертанта опубликовал

Р. Този;⁵ более подробная рецензия М. Эррена включена в его обзор литературы об Арата за 1966-1992 гг.⁶ За последний год диссертант выступал с докладами и лекциями непосредственно по теме настоящей работы в Московских (МГУ и РГГУ), Гарвардском и Фрейбургском университетах.

Содержание диссертационной работы отражено в десяти публикациях, в числе которых одна монография; еще две книги (комментированное издание греческого текста и отдельный комментарий на итальянском языке) и несколько статей, связанных с данной темой, находятся в печати и должны быть опубликованы уже в текущем году.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений, которые включают в себя критическую редакцию древнегреческого текста “Явлений”, стихотворный перевод поэмы и список использованной литературы.

Содержание работы. Во *ВВЕДЕНИИ* излагается история вопроса, обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяется предмет, цели и задачи исследования и выдвигаются общие методологические принципы работы.

Среди причин, ответственных за то, что ученые, изучающие эллинистическую поэзию, часто придерживаются полярных взглядов на художественную ценность “Явлений”, на одно из первых мест следует поставить полную исторических превратностей судьбу поэмы Арата. Ее появление с энтузиазмом приветствовали в своих эпиграммах и поэмах Каллимах, Феокрит и Леонид Тарентский, сразу отдавшие дань совершенству воплощения эллинистических принципов в поэзии Арата. Но уже вскоре “Явления” попали в руки грамматиков и комментаторов, и страсть к бесконечному растолкованию элементарных научных теорий и фактов прочно и надолго возобладала над интересом к изысканной поэтике и глубоким и серьезным мыслям Арата. Выбор небесных явлений в качестве темы оказался и удачным, и роковым: звезды подарили Арату возможность продемонстрировать совершенное владение всем арсеналом средств александрийской поэзии и принесли ему славу, но звезды же и отдали его поэму в удел школьной науки. Так “Явления” стали школьным учебником. Почти сразу их принялись истолковывать, объяснять, комментировать; первые научные издания текста поэмы появились уже на исходе эпохи эллинизма. Но чем больше

⁵ R. Tosi in *Eikasmos* 5 (1994): 541.

⁶ M. Erren in *Lustrum* 36 (1994): 204.

изучали Арата, тем меньше помнили о том, насколько тонка и своеобразна его поэзия; интересы комментаторов и схолиастов были сосредоточены только на том, что представляет интерес для школы: их занимают споры об очертаниях созвездий, об отношении Зодиака к другим небесным кругам и особенно о бесчисленных вариантах астральных мифов. Постепенно формируется целая отдельная область литературы: это не научные сочинения в собственном смысле слова, вроде трактатов Гиппарха и Автолика, это не книги по историографии, географии и мифографии, это, наконец, не астрология с ее особым предметом. Имя этому литературному направлению – *φαλιόμεια*, его составляют схолии и комментарии к Арату, “Введения”, метеорологические трактаты, сборники звездных мифов и т.п. Без труда переселившись и на римскую почву, школьная астрономия продолжала процветать вплоть до 17 в., пока, наконец, ее окончательно не вытеснила становящаяся наука нового времени.

Затем последовал более чем двухвековой период, в течение которого за “Явлениями” в лучшем случае признавалась роль ординарного памятника греческой письменности; впрочем, к концу этого срока методичность немецких ученых и стремление к охвату всей античной литературы привели к выходу в свет двух изданий текста поэмы в редакциях И. Фосса (1824) и Ф. Буттманна (1826), которые не утратили научного значения и по сей день. Уже в самом конце 19 в. публикация фундаментального исследования Э. Маасса⁷ и пионерской статьи Г. Кайбеля⁸ знаменует начало возрождения интереса к “Явлениям” как к художественному произведению и стремление к всеобъемлющему и всестороннему их изучению. Э. Маассу впервые удалось дать исчерпывающий анализ всего уникального богатства многообразных связей “Явлений” с предшествующей греческой литературой и прояснить особенности подхода к поэме ее ведущих античных комментаторов. Г. Кайбель был первым, кто рассмотрел ключевые эпизоды “Явлений”, такие, как катастеризм Дики и проэмий, в контексте гесиодовского прообраза и философских приверженностей поэта. Труды немецких филологов легли в основу современной научной библиографии Арата.

Начало современному изучению стиля “Явлений” было положено диссертацией К. Шютце,⁹ который впервые сумел выявить некоторые

⁷ Maass, E. *Aratea (Philologische Untersuchungen Heft 12)*, Berlin: Weidmann 1892.

⁸ Kaibel, G. ‘Aratea’, *Hermes* 29 (1894): 82-120.

⁹ Schütze, K. *Beiträge zum Verständnis der Phainomena Arats (Diss. Leipzig)*, Dresden: M. Dittert & Co. 1935.

из приемов поэтической техники Арата и попытался решить проблему единства поэмы через поиск правильной границы между финалом первой и вступлением ко второй части, что, впрочем, привело его к довольно аморфному пониманию всего переходного эпизода (ст. 732-777). В изучении рукописной традиции “Явлений” беспрецедентных результатов добился Ж. Мартен.¹⁰ История текста в его монографии предстает особым видом истории культуры, позволяющим детально проследить, как и в каких условиях появились два эллинистические комментированные издания “Явлений”, к которым непосредственно восходят все известные нам рукописи. Подготовленное Марتنем издание текста “Явлений” стало стандартным в современной классической филологии. Едва ли не самой яркой из посвященных Арату в нынешнем столетии работ стала классическая статья В. Людвига.¹¹ На пространстве в 20 с небольшим страниц этот ученый, попутно пролив свет на некоторые спорные вопросы текста поэмы, сумел самым решительным образом изменить наши представления о композиции “Явлений”, их отношении к Гесиоду и Гомеру, о художественных принципах поэтики Арата. Наконец, самый фундаментальный труд об Арате, созданный после Маасса, – книга М. Эррена.¹² Поставив перед собой задачу объяснить фактическую сторону “Явлений”, Эррен принял на себя бремя решения самых запутанных проблем источниковедения ранней греческой астрономии. И хотя попытка Эррена перенести созвездия Арата с неба на письменный стол сама по себе не увенчалась успехом, полностью сохраняют свое значение другие результаты его труда, в частности, обнаружение внутренней связи практически всех звездных мифов “Явлений” с центральным стоически окрашенным мифом о Зевсе и открытие филигранно отделанной композиции метеорологической части.

Почти вся современная литература об Арате, независимо от своей ориентации, унаследовала от античных комментаторов “Явлений” одно довольно аморфное и порой бессознательное общее представление, которое, тем не менее, продолжает сказываться на результатах самых разных по духу научных трудов. Это представление или, скорее, предрассудок в диссертации назван мифом о дилетантизме Арата. Именно безотчетная вера исследователя в то, что Арат всегда остается

¹⁰ Martin, J. *Histoire du texte des «Phénomènes» d'Aratos (Études et Commentaires 22)*, Paris: G. Klincksieck 1956.

¹¹ Ludwig, W. ‘Die Phainomena Arats als hellenistische Dichtung’, *Hermes* 91 (1963): 425-448.

¹² См. прим. 3.

внутренне далек от своего предмета и никогда не бывает им занят всерьез, помогает ему находить в “Явлениях” следы архаической космологии Анаксимандра или усматривать проявления стоицизма подчас во взаимоисключающих словах поэта. Такое положение дел побудило автора диссертации в *ПЕРВОЙ ГЛАВЕ* обратиться к анализу античной биографической традиции об Арате, так как миф о дилетантизме поэта может быть разрушен лишь тогда, когда нам удастся обнаружить его истоки и проследить всю историю его возникновения. В широком смысле можно говорить о двух видах критических оценок научного содержания “Явлений” в античности – это, с одной стороны, профессиональная критика в трудах Гиппарха и греческих ученых последующих времен, с другой стороны – высказывания в сочинениях преимущественно популярного толка, авторы которых интересуются научной несостоятельностью Арата по совершенно иным, нежели Гиппарх, мотивам. Детальное сравнение и анализ двух внешне очень схожих характеристик Арата, прозвучавших из уст Гиппарха и Цицерона, выявляет одно фундаментальное различие между ними: в то время как Цицерона занимает историко-литературный курьез (“научный профан пишет о науке”), Гиппархом в его критике движет осознание превосходства собственного научного метода над методом Евдокса и Арата; он нигде не проводит полярного противопоставления между характером интересов Арата и предметом его поэмы, и сам тот факт, что он посвящает разбору “Явлений” специальный научный труд, свидетельствует о вполне серьезном его отношении к астрономической стороне поэмы. Чтобы понять, как соотносятся эти две точки зрения между собой и с действительностью, необходимо обратиться к литературе, занимающейся биографией Арата в узком смысле. До нас дошли 5 античных жизнеописаний Арата (4 в рукописях вместе с “Введениями” и схолиями + биография в словаре “Суда”), которые все восходят к жизнеописанию Арата, открывавшему издание “Явлений”, подготовленное Теоном Александрийским (1 в. до н.э.). Для понимания того, каким в действительности могло быть отношение Арата к предмету его дидактического эпоса, наибольшей информативной ценностью (и наименьшей зависимостью от произвола составителя биографии) будет обладать перечень несохранившихся произведений Арата, восстановленный в том виде, в каком он входил в исходную биографию Теона. Не менее важно также проследить происхождение и эволюцию историй, связанных с работой Арата над “Явлениями”, т. е. рассказов о поручении царя Антигона и о состязании

Арата с Никандром. Сравнение между собой списков сочинений Арата, сохранившихся в трех из пяти биографий, привлечение внешних свидетельств, исправление явных ошибок переписчиков и нахождение скрытых параллелей позволяет прийти к следующей картине утраченного в большей своей части корпуса сочинений Арата. Все наследие Арата делилось на крупные и малые формы. К последним относились стихотворения самых разных жанров – от гимнов до, вероятно, шуточных эпиграмм, – объединенные в сборники, например, *κατὰ λέπτόν*. Единственный жанр, в котором Арат создавал произведения крупных форм, – это жанр дидактического эпоса; здесь наши источники позволяют выделить две группы: корпус астрономических поэм (известный, по свидетельству Ио. Цеца, под общим названием *ἀστροικά*) в пяти книгах (три части “Явлений” – *Ἀστροθεσία*, *Συνανατολαὶ καὶ Συνκαταδύσεις* и *Διοσημεΐαι*, а также *Κανὼν* о движении планет и гармонии сфер и, вероятно, *Ἀνατολή* неизвестного содержания) и корпус поэм медицинских, называвшийся *ἰατρικά* (*Ὀστολογία* = *Ἀνατομή*, об анатомии скелета, и *Ἰατρικὰ Δυνάμεις*, об изготовлении лекарств). Сомнения ученых как в подлинности, так и в медицинской направленности сохраненного лексикографом Поллуксом фрагмента из *Ὀστολογία* опровергаются анализом, вскрывающим в этом тексте типично аратовское словоупотребление и искусную ссылку на Гомера в характерной для Арата манере. Итак, вопреки популярной с античности и до наших дней точке зрения, выбор астрономического предмета для “Явлений” отнюдь не был случайностью или прихотью невежественного дилетанта; этот выбор сделал поэт, всю жизнь систематически работавший с научными темами. Убедительно опровергаются и легенды об особых обстоятельствах, которыми якобы сопровождалось создание “Явлений”. Сопоставление рассказа в *Vita III Arati*, наиболее близкой к исходному жизнеописанию Теона, с одним из сохранившихся только в латинской передаче биографических фрагментов (т. н. *Anonymus II*, n°3 Маасса) показывает, что Теон и его источники связывали рождение рассказа о том, что переложить стихами книгу Евдокса астрономическому невежде Арату поручил царь Антигон, с враждебными Арату критиками, среди которых *Anonymus II*, n°3 называет Гиппарха, Дионисия Фракийского и Посидония. Аналогичным образом развенчивается легенда о состязании “врача” Арата с математиком Никандром в написании поэм на максимально чуждые обоим авторам темы. Вкратце история этих апокрифов может быть резюмирована следующим образом: Гиппарх

подверг наблюдательную базу сочинений Евдокса и Арата конструктивной, пусть и жестокой, критике. Эту критику подхватили затем не научные, а литературные и философские враги Арата, избавившись от ее астрономического существа и оставив только идею неадекватности Арата своему предмету, которая в дальнейшем, в кругу школьных истолкователей и схолиастов, монополизировавших издание и изучение “Явлений” уже через одно-два поколения после великих александрийских поэтов, подверглась окончательному упрощению и вульгаризации.

Выяснив, насколько мало соответствуют действительности образ Арата - абсолютного дилетанта, мы не имеем более права удовлетворяться поверхностными объяснениями тех странностей, с которыми мы сталкиваемся в его поэме на каждом шагу. Те немногие следы подлинной творческой личности Арата, которые еще различимы в запутанной и искаженной биографической традиции, подсказывают нам, что за каждым непонятым с первого взгляда словом или оборотом “Явлений” может стоять требующее разгадки намерение их автора.

О чем эта поэма? Как она устроена? На эти вопросы давались еще в античности и продолжают звучать сегодня настолько разноголосые ответы, что ни одно исследование Арата не может их миновать. Несколько ключевых для общего понимания “Явлений” тем и эпизодов анализируются в четырех разделах *ВТОРОЙ ГЛАВЫ* диссертации.

Замысел Арата стал в значительной мере непонятен читателям уже через несколько поколений после выхода в свет его поэмы. Принцип соединения астрономической и метеорологической частей “Явлений” казался настолько загадочным, что древние комментаторы порой предпочитали видеть в поэме нечто вроде сборника отдельных произведений, а не осмысленное целое. Лучшее свидетельство об этом дают пометки переписчиков и схолиастов, сохраненные в рукописной традиции. Несмотря на то, что основным перерывом в тексте поэмы, несомненно, считалась общая смена темы в ст. 733, лишь немногие из комментаторов делят “Явления” именно на две противопоставленные друг другу части – астрономическую и метеорологическую. Большинство грамматиков принимает – возможно, в первую очередь из общих соображений симметрии, – трехчастную схему. После стоящего особняком проэпия (1-18) начиналось описание созвездий и небесных кругов (19-450); предметом второй части были парапатέλλοιτα (451-732), и, наконец, следовала метеорологическая часть (733-1154). Ж. Мартен впервые поставил под сомнение соответствие такого членения

замыслу Арата; он обратил внимание на то, что стихи 733-757, посвященные проблеме календаря, скорее примыкают к предшествующему повествованию об одновременных восходах и заходах созвездий: смена лунных фаз очерчивает лунный месяц (733-739), а движение Солнца по Зодиаку обозначает времена года (740-751). Этот взгляд на композицию поэмы поддержал и развил В. Людвиг, предложив читать “Явления” в соответствии со структурной схемой школьных физических и космографических трактатов эпохи эллинизма. В этих сочинениях первичным элементом в объяснении небесных и метеорологических явлений служит сфера Луны: в надлунном мире (τὰ οὐράνια) господствуют регулярные равномерные движения, определяющие течение времени; в подлунном мире (τὰ μετέωρα), возможны только неравномерные движения, отвечающие за все, что происходит в атмосфере. Опираясь на эту схему, В. Людвиг анализирует расположение частей поэмы в основном следующим образом: 1-18 (проэмий), 19-757 (τὰ οὐράνια), 773-1141 (τὰ μετέωρα), 1142-1154 (эпилог); стихи 758-772 составляют второй проэмий, параллельный первому, но относящийся к части μετέωρα. М. Эррен, напротив, рассматривает ст. 733-777 в их совокупности как переходную часть и введение к метеорологической части поэмы. Согласно его мнению, завершение каталога одновременных восходов и заходов созвездий (ст. 559-732) знаменует и отступление Арата от источника, которому до сих пор он неукоснительно следовал; ст. 733-757, синтаксически резко отделенные от предыдущего отрывка, образуют совершенно новый контекст; таким образом, подтверждается античное деление “Явлений” в ст. 733.

Каждая из этих точек зрения на композицию “Явлений” имеет свои привлекательные стороны, но каждая из них вызывает и серьезные возражения. Во-первых, новый контекст ст. 733-757 при ближайшем рассмотрении все-таки оказывается частью более широкого контекста астрономических способов определения времени, т. е. контекста второй части поэмы. Сжатость изложения в ст. 733-757 также наводит на мысль о том, что этот отрывок является своего рода приложением к предшествующему материалу. Далее. По всей видимости, ἄκρα νυκτῶν в ст. 740 следует понимать в смысле “начало и конец ночи”, “закат и восход”. Это значит, что в ст. 740-751 речь идет о том, как в любую ночь в течение года узнать час рассвета при помощи знаков Зодиака. Для выполнения такой операции необходимо иметь под рукой таблицу параллельных восходов и заходов, изложенную в стихах 559-

732. Наконец, Арат сам подчеркивают композиционное членение поэмы, соединяя в одной грамматической конструкции предмет своей мольбы к Музам, ἀστέρων εἰπεῖν, с указанием на сферу реализации этой мольбы: πᾶσαν ἀοιδίην (ст. 17-18). В таком контексте прилагательное πᾶσαν приобретает ограничительное значение: “я молю о том, чтобы воспеть звезды как подобает; направляйте мою песнь от начала и до конца”; конец песни в данном случае – это конец той части “Явлений”, предмет которой составляют звезды. Эти доводы, как представляется, сводят на нет гипотезу М. Эррена и в целом подтверждают правильность понимания структуры поэмы, принятого Ж. Мартеном и В. Людвигом. Однако нельзя согласиться с натурфилософским объяснением этой структуры, которое предлагает В. Людвиг. Хотя de facto схема οὐράνια - μετέωρα вполне соответствует сочетанию тем первой и последней частей “Явлений”, все же приписывать Арату такие композиционные намерения было бы грубым анахронизмом: первые правдоподобные свидетельства о трактатах, организованных по этой схеме, относятся к гораздо более поздней эпохе (D. L. 10. 84 ff.). Более того, реальные источники Арата, Евдокс и перипатетический компендий по метеорологии, способны превратиться в трактат типа οὐράνια-μετέωρα только соединившись вместе, как это и произошло в “Явлениях”, – но неужели замысел эллинистического поэта состоял в том, чтобы, используя два разнородных источника, придать своему произведению форму школьного технического трактата? Следовательно, мы можем предположить, что тщетными окажутся любые попытки композиционно “примирить” части поэмы: на уровне композиции задача Арата – не скрыть, а подчеркнуть контраст между ними; единое целое создается не мнимым содержательным единством, а тем, какую роль этот контраст играет в композиции и, шире, в художественном мире “Явлений”.

Если композиционный план, формальная структура поэмы так явно “неправильна”, причем происходит это несомненно по сознательному выбору автора, – что же, в таком случае, служит объединяющим началом поэмы? Ведь контраст сам по себе не создает единого целого из противопоставленных друг другу частей. В то же время невозможно ожидать увидеть у эллинистического поэта произведение, композиция которого, по сути дела, не имеет смысла и не направлена на создание художественного эффекта. Что же все-таки является объединяющим началом “Явлений”? Ответ у большинства современных исследователей поэмы один: стоицизм. Но какой

стоицизм? Обычное объяснение состоит в следующем. В проэмии устами поэта бог обещает людям свое покровительство: вся их жизнь будет наилучшим образом направляться при помощи знаков – надо только научиться понимать язык звезд. Точно так же и приметы метеорологической части – это один из видов божественных знаков, обещанных в проэмии. Однако мы уже видели, что Арат специально приложил усилия для того, чтобы показать читателю: сказанное в проэмии ограничивается “звездной” частью поэмы. Следовательно, если стоицизм проэмия как-нибудь и соотносится с поэмой в ее целостности, эта связь не может быть так проста и прямолинейна.

Чтобы лучше оценить стоицизм проэмия, целесообразно сопоставить его с другим, сходным по жанру и современным ему текстом, в котором стоические идеи, и в особенности стоическая теология, выражены значительно более полно и последовательно, – с гимном Зевсу Клеанфа (Cleanth. SVF 534). Разумеется, это отнюдь не новая мысль, и почти все авторы многочисленных статей и глав о вступительных 18 строках “Явлений” в той или иной степени обращались к Клеанфу, в то время как ученые, интересовавшиеся в первую очередь Клеанфом, не проходили мимо такого выигрышного материала, как параллели в тексте Арата. Однако, несмотря на столь оживленный обмен научными мнениями, один возможный аспект отношения этих двух литературных памятников друг к другу до сих пор остается невыясненным. Дело в том, что все исследователи и того, и другого текста ограничиваются сопоставлением их, так сказать, только с “позитивной” стороны. Говоря упрощенно, гимн Клеанфа гораздо более прямолинейен и подробен, чем проэмии Арата, и уже ставший традиционным научный подход к их изучению состоит в том, чтобы тщательно и под разными углами зрения взвешивать те контексты, где Арату есть, что ответить Клеанфу. Если же Арат молчит, то предмет для сравнения отсутствует, и мы имеем право говорить только о Клеанфе. Учитывая некоторые особенности художественной манеры Арата, которые начали вырисовываться перед нами в предыдущем разделе, мы могли бы предположить, что его молчание о том или ином вопросе не обязательно будет тождественно его незаинтересованности в этом вопросе; более того, в некоторых случаях его молчание может оказаться сознательным и имеющим перед собой определенные цели умолчанием.

Три элемента клеанфова гимна не находят ответа у Арата: ст. 7-8, говорящие о круговом движении космоса вокруг Земли как выражении воли Зевса; ст. 14-31, в которых рассматривается проблема

нравственной ответственности в соотношении с космической гармонией и утверждается, что лишь порочные люди не следуют закону Зевса добровольно; наконец, ст. 39, где Зевс прямо отождествляется с *κοινὸς ἰσχύς*. Эти понятия выступают у Клеанфа как неотъемлемая часть стоического видения мира, пусть даже настолько сильно окрашенного религиозным чувством. Гимн Арата как будто одностороннее по тематике – но не обманываемся ли мы, и нет ли опущенных им в проэмии мотивов где-нибудь еще в поэме? Как представляется автору диссертации, недостающие в проэмии мотивы сознательно были перенесены Аратом в такие эпизоды “Явлений”, как катастеризм Девы и космологический отрывок (19-26): они служат, среди прочего, одним из организующих композиционных начал поэмы. Но сначала необходимо остановиться еще на одном, и притом весьма ярком, аспекте стоицизма “Явлений”. Данные современных историко-философских исследований позволяют с достаточной уверенностью говорить о том, что поэма Арата отвечает – причем, судя по всему, в соответствии с вполне ясно прослеживаемыми намерениями ее автора – весьма строгим критериям, которые стоическая литературная теория применяла к оценке поэтических произведений.

Стоики во все периоды существования своей школы испытывали глубокий интерес к природе языка и языковых средств выражения. Мы располагаем свидетельствами о большом числе стоических исследований по грамматике, логике и диалектике. Хорошо известен и интерес виднейших стоиков к поэзии. Современники Арата Зенон, Клеанф и Хрисипп посвятили поэзии специальные сочинения, ныне, к сожалению, утраченные. Однако, как показали, в частности, труды Ф. Де-Лейси, реконструкция ранней стоической теории поэзии, по крайней мере принципиальных ее положений, все-таки возможна: достаточный материал для этого дают, во-первых, известные нам значительно лучше стоические учения о языке, музыке, логике и этике, во-вторых – в нашем распоряжении есть несколько ранних, хотя и опосредованных, источников. Наиболее интересный для нас источник – дошедший до нас на папирусах текст 5-й книги сочинения Филодема “О поэмах”. Безусловно, это слишком поздний и скептически окрашенный источник для того, чтобы представлять какую-либо самостоятельную ценность для рассматриваемых нами вопросов, однако Филодем сохранил для нас резюме трактата о поэтике, авторство которого он приписывает некоему “приверженцу стоиков”; речь идет, с большой долей вероятности, об Аристоне Хиосском. Это самое раннее свидетельство о том, какие

критерии стоическая теория считала важными при оценке достоинств поэтических произведений. Вероятное авторство Аристона интересно с той точки зрения, что он был почти точным современником Арата и, как и он, учеником Зенона. Ключевым и наиболее революционным моментом в поэтике “Аристона” было разделение поэмы как единого целого на “мысль” (*διάνοια*) и “композицию” (*σύνθεσις*); этот подход к оценке поэтического произведения завоевал большую популярность в стоических кругах; в частности, приверженцами его были Кратет и Посидоний. На первый взгляд может показаться, что речь здесь идет о форме и содержании; однако сказать это можно лишь с большой долей условности. Дело в том, что понятия мысли и композиции в этой теории играют роль чисто эстетических, а не формальных категорий; кроме того, они сами по себе имеют достаточно сложную структуру. “Аристон” раскрывает содержание этих понятий следующим образом. Идеальная поэма должна быть совершенной в отношении как мысли, так и композиции. С точки зрения мысли поэма будет хороша, если она отвечает хотя бы одному из двух условий: она либо должна содержать благие мысли и поступки (14. 14-20), либо должна иметь своей целью наставление (14. 20-24). Относительно содержания понятия “композиция” мы можем судить с меньшей надежностью; очевидно, что сюда включается более или менее все, что относится к художественной форме. Ключевым элементом композиции считается *εὐφωμία* (col. 20. 21-26). Весьма примечательны примеры оценок: произведения Гомера и Архилоха удостоиваются высокой оценки за достоинства своей композиции, которые перевешивают недостатки мысли (т. е. наставительных качеств). Становится очевидно, почему в списках комментаторов Арата преобладают стоики: в “Явлениях” несомненно присутствует и “мысль”, и “композиция”.

Строки, посвященные в “Явлениях” созвездию Девы (96-136), представляют собой не только наиболее развернутый мифологический экскурс в поэме, но и самое наглядное свидетельство той *imitationis Hesiodi*, о которой нам сообщают античные биографии Арата. Более того, в этом отрывке поэт сам, как кажется, прямо указывает читателю на жанровую ориентацию своего произведения. Столь очевидно, что моделью для Арата здесь послужил миф поколений, изложенный в ст. 106-201 “Трудов и дней”, что, начиная с первых схолиастов, исследователи и комментаторы “Явлений” основывали интерпретацию этого эпизода на сопоставлении его с гесиодовским прообразом. Многие из них признавали и тот факт, что правильное объяснение катастеризма

Дики – если и не ключ к пониманию структуры всей поэмы, то, во всяком случае, абсолютно необходимое условие такого понимания.

Арат начинает свой собственный миф поколений в ст. 97 с того, что отводит на небесах место Деве Дике, появляющейся в “Трудах и Днях” в моральном экскурсе, следующем за басней о Соловье. Эта ссылка на “Труды и Дни” предшествует началу изложения собственно мифа в ст. 100, которое содержит в себе отсылку к *Op.* 106 и обозначает более четко начало “гесиодовской” части “Явлений”. Такое изменение последовательности рассуждений “Трудов и Дней” могло бы быть легко объяснено как свойство эллинистической поэтической доктрины, но вряд ли стоит сомневаться, что целью Арата было не создание поверхностного, хотя и великолепно технически выполненного лоскутного одеяла, а более глубокий обобщающий труд. Цепочка ссылок и аллюзий, характерная для эпизода с Дике, согласуется с предположением о том, что Арат рассматривал строки 105-273 “Трудов и Дней” как органическое целое, принимая басню о Соловье и ее продолжение за развитие мифа поколений (басня, в сущности, переносит идею незаконного поступка и последующего наказания – причину упадка поколений – в современный мир).

Другой существенный элемент структурного различия между двумя текстами выявляется в некоторых аспектах повествовательной техники в тексте Арата. Выдающееся положение Дике как характера и драматизация ее действий представляют собой новые и ясные особенности “Явлений”. В описании золотого века (ст. 101-114) внимание автора разделено пополам между Дике и людьми: она выполняет большее количество действий, но осторожное изменение строк, относящихся к Дике и к людям, усиливает преобладающее впечатление взаимности и общности. С другой стороны, конфликт, возникающий в серебряном веке (ст. 155 и далее), подчеркивается тем фактом, что все действия имеют Дике своим субъектом и что люди принимаются во внимание только как объекты ее презрительных попреков или как выразители, впрочем, довольно пассивные, огорчения от утраты ее. В последней части упор ставится на отрицательные поступки людей бронзового века, которые ведут к окончательному уходу богини.

Самые яркие отличительные особенности инноваций Арата обнаруживаются в отношении к структуре мифа поколений как такового. Арат редуцирует число поколений до трех; целью его, на взгляд диссертанта, было создание образа неуклонного упадка. Ключом

к пониманию интерпретации золотого века в “Явлениях” должна стать одна небольшая деталь, до сих пор не замеченная в научной литературе об Арате: в ст. 103-104 говорится, что Дева, пребывающая среди людей, встречает $\phi\upsilon\lambda\alpha \acute{\alpha}\rho\chi\alpha\acute{\iota}\omega\nu \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu \kappa\alpha\acute{\iota} \gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\acute{\omega}\nu$ и охотно занимает место у очага среди них. Есть ли хоть где-нибудь во всем древнем эпосе упоминание о женщинах в таком недвусмысленном контексте их равенства в государственной жизни? Именно в этих словах Арат оставил несомненное свидетельство того, что идеальное государство Зенона, для которого столь жизненна была идея равенства полов, составляет тот новый, стоический подтекст, который наш поэт с удивительной деликатностью вчитывает в миф поколений Гесиода. Многие теперь становятся на свои места: “забытая” Аратом ипостась Зевса - всеобщего закона появляется перед читателем в виде переходной фигуры Девы, которая позволяет соотнести идеальный порядок небес с хаосом и жестокостью мира людей; проясняется и движение поэмы от кристальной чистоты идеального мира проэмия к беспорядку и интенсивности земного существования в последней части.

Загадочной остается проблема перехода от астрономической части “Явлений” к метеорологической: если Арат сознательно ограничил в проэмии предмет повествования рамками рассказа о звездном небе, если натурфилософская интерпретация композиции поэмы не выдерживает критики, если, наконец, последняя часть поэмы не может, вопреки желанию ученых, быть истолкована как исполнение стоической программы проэмия, – в чем же тогда основа структурного единства этого произведения?

И тут приходится назвать то, что исследователи несомненно проглядели: взгляд Арата на мир, каким он ему представляется сегодня, – это взгляд глубоко пессимистический, он легко перенимает у Гесиода именно эту сторону: жизнь человека жалка и ничтожна, обременена множеством тягот и забот. И Арат по всей поэме равномерно распределяет отрывки, противоположные по настроению и балансирующие друг друга. Такую же оппозицию мы наблюдаем и в глобальной структуре “Явлений”: есть небесный образец, ему противопоставлена земная жизнь. Главный интерес Арата – сублимация антропоморфно ограниченной религиозности до абсолютной астральной реальности. Оценим резкий контраст этих намерений с приземленностью “Катастеризмов” и других памятников вторичной литературы. Настроение “Явлений” вряд ли стоит оценивать по “положительному” соотношению с гимном Клеанфа, как склонны

делать ученые. Вот и источник понимания “Явлений”, согласно которому чуть ли не единственная мысль поэмы – “все хорошо, все будет еще лучше, бог все промыслит”. Видение мира у Арата – неизмеримо сложнее: повседневная жизнь человека если и не ужасна сама по себе, то таит неизъяснимые ужасы; человек жалок, несчастен, выродился. Но он может знать путь, ведущий к правильному пониманию своего места в мире и, соответственно, к избавлению от страха существования. Путь этот начертан на небесах, ибо для Арата космос есть видимая реальность бога. И здесь мы поневоле вспомним стоическое учение о $\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\rho\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$.

Центральная часть поэмы повествует о параллельных восходах и заходах созвездий, то есть, в известном смысле, о небе в движении. За этим неизбежно должна стоять вполне определенная и четкая схема мироздания, без ясного представления о которой многое и в самой поэме останется для читателя непонятным. Эта схема стала предметом *ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ* диссертации. Сам Арат уделяет непосредственно космологической теме всего несколько строк (19-26). Прочитав один этот отрывок из “Явлений”, мы можем только гадать, какую структуру Вселенной подразумевает автор: имеет ли она сферическую форму (конечно, именно это приходит на ум современному человеку, но из *текста* поэмы этого вовсе не следует с необходимостью), или же наблюдатель видит нечто вроде полусферического колпака над головой; какова, наконец, форма Земли. Немедленного ответа на эти вопросы в поэме нет, а из двух предложенных в научной литературе решений одно было недостаточно конкретным и не опиралось непосредственно на текст “Явлений”,¹³ а другое всецело зависело от гипотезы слишком экстравагантной для того, чтобы ее можно было подтвердить или опровергнуть путем даже чисто умственного эксперимента с фактами.¹⁴

Но прежде чем мы сможем перейти непосредственно к деталям реконструкции картины Вселенной у Арата, необходимо учесть еще одно обстоятельство. Дело в том, что в данном вопросе филологическая литература об Арате – при всем многообразии и даже полярности отдельных точек зрения, ее составляющих, – исходит из специфически редуцированной схемы развития греческой науки. Считается, что астроном в Древней Греции – это тот, кто стремится примирить кажущуюся неправильность круговых путей планет с пифагорейской

¹³ Ludwig, W., op. cit., 429-430.

¹⁴ Böker, R. *Die Entstehung der Sternsphäre Arats* (Sber. Leipzig nat.-math. Kl. 99, Hft 5), Leipzig 1952; Erren, M., op. cit. 101-106.

теорией равномерных круговых движений. Называется это - "спасать явления". Опыт есть лишь косвенный источник познания, роль его сводится к тому, чтобы обнаружить сложность высшего порядка, которая объясняет и отклонение от правила в фактах чувственного восприятия. Исследование при таком его понимании предполагает геометрическое видение вселенной, подобное видению Пифагора и Платона; именно в такой перспективе помещается система Евдокса. Стоик по самой своей сущности противоположен астроному в том смысле, в каком мы только что определили; для него опыт есть источник непосредственного познания; он есть откровение, прямо сообщенное людям божественным началом, которое правит миром - то есть самолично Зевсом. Геометрическая правильность небесных явлений для него в такой же мере предстает источником радости и религиозной экзальтации, но он желает, чтобы миропорядок был открыт ему в откровении, без того, чтобы быть обязанным, словно Платон и Евдокс, постигать его посредством умозаключений.

В такой картине есть элементы правды, но есть и большая неправда. Разве можно в действительности найти хоть какие-нибудь основания для того, чтобы греческую науку расклассифицировать по философским школам? Не говоря уже о том, что само разделение астрономов на платоников и стоиков кажется химерой, можно ли представить себе реальную науку, не заинтересованную в наблюдениях, или – у греков! – реальную науку, ограничивающуюся только наблюдениями и запрещающую себе какое бы то ни было теоретизирование?

Вселенная Арата – это сферический небосвод, равномерно вращающийся вокруг шаровидной Земли. Внутри всего пространства между Землей и вовлеченной в непрерывное равномерное круговое движение сферой неподвижных звезд можно выделить две разные по своей природе области. Одна из них – это область между небесной сферой и сферой Луны, где располагаются сферы Солнца и планет. Здесь все подчинено строгой закономерности, диктуемой равномерным движением небосвода. С точки зрения земного жителя эта закономерность выражается в неуклонной и точной смене времен года, месяцев, дней и ночей, часов. В области между сферой Луны и Землей равномерного движения не существует; неравномерные движения как раз и составляют причину атмосферных явлений.

“Явления” в том виде, в каком они предстают перед глазами сегодняшних исследователей эллинизма, великолепно вписываются в

сложившуюся в филологической науке последних лет общую картину александрийской поэзии как искусства, впервые осознавшего свою абсолютную ценность и потому ждущего понимания всей небывалой изысканности и глубины своих выразительных средств только от высокоэрудированной аудитории настоящих ценителей. Однако теперь, благодаря новым перспективам, которые открылись нам в предыдущих главах диссертации при исследовании *архитектуры* поэмы, мы можем, наконец, проследить, как Арату, несомненному энтузиасту самых утонченных поэтических приемов александринизма, все же удастся, по видимому, полностью подчинить все грани своего стихотворного мастерства главным задачам единого поэтического контекста “Явлений” – задачам точного выражения и прочтения смысла, обеспечения идейно-художественного единства контрастной по композиции поэмы и создания контрапунктических звучаний между главными темами. Некоторые из способов взаимодействия между конкретными поэтическими приемами и общим замыслом “Явлений” стали предметом рассмотрения разделов *ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ*.

Глаголы и причастия, обозначающие движение – в особенности круговое движение, – приобретают в аратовой поэме особое значение: они используются для указания местонахождения того или иного созвездия или звезды или их положения по отношению к каким-либо иным созвездиям или звездам. Весьма любопытный и важный для всего хода нашего рассуждения пример, показывающий, насколько последовательно проводится в “Явлениях” принцип такого словоупотребления, дает строка 576: во время восхода Рака нижнюю половину созвездия Геркулеса (“Тот на коленях” у Арата) все еще можно наблюдать на небе, в то время как τὰ δ' ὑπέρτερα νυκτὶ φορεῖται, “верхняя часть движется в ночи”, или, если перевести эти слова на более конкретный астрономический язык, в то время как верхняя часть уже находится ниже линии горизонта. Как справедливо пишет В. Людвиг, “Aratos improvisiert nicht”: каждая мелочь в его произведении продумана со всей возможной тщательностью, и от такого поэта, если он решил придать своему языку столь приметную лексическую характеристику, мы вправе ждать известной авторефлексии. И в самом деле, мы обнаруживаем, что глаголы движения вводятся в ткань “Явлений” отнюдь не как какой-то произвольный элемент, но, напротив, почти формальным образом. Выше уже было показано, насколько важную смысловую нагрузку несет на себе прилагательное πᾶσαν в последней строке проэмия (ст. 18: τεκμήρατε πᾶσαν ἀοιδίη). Связывая некую

законченную часть поэмы (“всю песнь”) со звездами, Арат дает читателю ключ к пониманию композиции своего труда: “знаки” для определения времени, обещанные в проэмии, следует искать в пределах именно этой, “небесной” части “Явлений”; последняя, “атмосферная” часть посвящена знакам иного рода. Поэтому особенно знаменательно, что, когда мы доходим до основного текста поэмы, субъект первой фразы (ἀστέρες) приходится дополнять из последней фразы проэмии: строки 19-20 невозможно понять без строк 17-18, настолько тесно сплетены они друг с другом. Начиная с этого момента, движение небосвода остается постоянным фоном повествования вплоть до начала вступления к последней части в ст. 758. Можно сказать, что равномерное круговое движение становится в “Явлениях” неотъемлемой деталью поэтической идеи звездного неба. Глаголы движения, постоянно употребляемые на протяжении первой части поэмы в не совсем обычном для них смысле, не позволяют читателю забыть о непрестанном круговом движении, в которое вовлечены все звезды вместе с небосводом. Однако это не единственная их функция. С одной стороны, они вносят новый элемент в утонченный поэтический язык “Явлений” – *Kunstsprache* в обоих возможных значениях этого слова, как художественный язык и язык искусственный. С другой стороны, они создают несомненный эстетический эффект, усиливая структурную целостность “небесной” части поэмы и давая нам возможность непосредственно ощутить то, что так вдохновляло Арата, – великий и удивительно точный механизм звездного неба.

Еще один лексический пласт языка Арата, которому астрономическая тематика его поэмы обеспечила весьма заметную роль, – это слова, обозначающие различные оттенки сияния и блеска. В большинстве случаев Арат, говоря о яркости созвездий, бывает по-научному точен, особенно когда дело касается сравнительной характеристики конкретных звезд. Если, однако, мы попытаемся последовательно проверить фактическую сторону всех звездных описаний в “Явлениях”, результаты подчас окажутся довольно странными. В ст. 392 Арат говорит о Водолее как о ярком созвездии. Однако в действительности ни одна из ярчайших звезд Водолея не достигает даже третьей звездной величины – того традиционного рубежа, который в принципе позволяет отнести звезду к более или менее ярким светилам при наблюдениях невооруженным глазом. Думается, что решение проблемы лежит в иной плоскости, и связано оно с поэтической стороной “Явлений”: точно так же, как и глаголы

движения, слова, обозначающие свет, начинают выражать у Арата прежде всего идею принадлежности той или иной фигуры не к реальному, а к звездному миру, так что высказывание “яркий Водолей” обретает смысл, почти тождественный словосочетанию “звездный Водолей”. Тот же сдвиг значения, должно быть, мы видим и во многих других контекстах, где Арат, описывая при помощи слов яркости и света созвездия, которые и в самом деле ярки, не выделяет при этом специально степень их яркости по отношению к другим небесным телам. Заставляя глаголы и имена, связанные со значением света, выражать еще и дополнительный смысл, Арат, разумеется, не лишает их привычного звучания; усиливая при помощи этого приема (одного среди многих!) полифоничность своего языка, поэт подсказывает читателю ощущение нереальности, сказочности того, что проходит перед его глазами: он помогает ему не забывать, что предмет повествования – не подлинные события и живые существа, а катастеризмы.

Язык Арата опирается на всю совокупность эпической традиции – в некоторых случаях, как мы видели, его образцами выступают не только Гомер и Гесиод, но и Парменид и Эмпедокл. Как и другие поэты-филологи, сам будучи автором известной рецензии по крайней мере одной из гомеровских поэм, Арат знает тексты любимых поэтов досконально. В такой ситуации неизбежно возникает приверженность к редкостям. Для него редкие слова у Гомера подобны “старым драгоценным камням, которые он выставляет на свет, тщательно отшлифовав и вставив в новые оправы”. Но главное, важнейшее последствие этого знания для поэтического мастерства Арата выливается в нечто большее, чем пусть даже самое блистательное щегольство эрудицией. Вместе с редким словом Арат перенимает синтаксические формы, метрические структуры и звучные образы, связанные в оригинале с этим словом, – иными словами, Арат переносит в ткань своей поэмы вместе с гомеровской глоссой и весь гомеровский контекст. Воздействие этого приема на достаточно подготовленного читателя трудно переоценить: встреча с таким местом в том или ином эпизоде “Явлений” воскрешает в его памяти и гомеровский образ, и весь эпический контекст, и в результате созданный Аратом текст открывает весь свой смысл впервые лишь тогда, когда его литературный прообраз ни на минуту не исчезает с заднего плана восприятия.

Остановимся еще на одной стороне поэтического мастерства Арата, а именно на таких формальных его аспектах, как звукопись и

этимологическая игра – тем более, что в использовании Аратом этих, казалось бы, число внешних приемов поэтической техники также отразилось, как нам представляется, его своеобразное восприятие элементов стоических теорий. Наличие у Арата аллитераций подтверждается не только тем очевидным фактом, что мы способны их обнаружить, но и несравненно более доказательным обстоятельством, а именно тем, что аллитерации в аналогичных местах имеются и во всех латинских поэтических переводах “Явлений”, – иными словами, римские последователи нашего поэта “узнали” и сочли нужным воспроизвести эту художественную особенность своего оригинала. Особенно яркий пример дает отрывок, посвященный группе созвездий Гидра, Чаша и Ворон (“Явления”, 443-449). Здесь практически каждая аллитерация у Арата имеет точную реплику как у Цицерона, так и у Германика и Авиена. Результаты изучения звукописи как в греческой, так и в латинской поэзии со всей убедительностью говорят о том, что случайные звуковые эффекты с некоторой долей вероятности возможны лишь в устной поэзии; в поэзии письменной, существующей в рамках сложившейся литературы и требующей от поэта совершенного владения языком и метром, ни одно слово и, следовательно, ни один элемент звукописи не может быть случайным. Важнейшим показателем удачной композиции поэмы, согласно стоической поэтике, приписываемой Аристону, считается благозвучие, εὐφωμία, оценить которую возможно не рациональным путем, но только на основании “привычки слушать”: ἐκ τῆς κατὰ ἀκοῆν τριβῆς. Ситуация окончательно проясняется, если поставить эти наблюдения в контекст современных Арату споров о природе имен, которые представители стоической школы с самого ее основания вели с перипатетиками. Не вдаваясь в детали знаменитой стоической теории естественных имен, укажем лишь на вытекающий из нее фундаментальный для наших задач принцип: звук связан с самой сущностью обозначаемой им вещи или действия, он “подражает” вещам. Классическим примером “этимологии начальных букв” будут, конечно же, ономатопоэтические слова; в применении к художественной речи только один шаг отделяет их от последовательного оттенения смысла повествования аллитерациями и ассонансами. Именно этот принцип является идеальным кандидатом на роль объединяющего звена в поэтической теории “Аристона”, так как в нем естественным образом сочетаются программная, “наставительная” сторона этой теории и другая, “эвфоническая” ее сторона, – и именно его, думается, воплощает

Арат своим исключительно вдумчивым поиском слов и осторожной звукописью.

Можно было бы еще усомниться в том, что в свои аллитерации и ассонансы Арат порой вкладывает такой серьезный смысл, стремясь посредством звука ввести читателя в самую природу описываемых им фактов, – если бы поэт не применил на деле принцип этимологического конструирования вещей, недвусмысленно адресовав нас к хорошо известным по другим источникам излюбленным стоическим упражнениям в этимологии. Три самые характерные и бросающиеся в глаза этимологии Арата были замечены уже схолиастами, и с тех пор они несколько раз попадали в поле зрения исследователей, однако некоторые их “странности” (которые на поверку оказываются самыми существенными их чертами) до сих пор не нашли удовлетворительного объяснения. Внимательный читатель поневоле остановится и постарается понять, в чем же связь между именем и действием в этих стихах, и глагол *τροχόωσι* подскажет ответ: в этимологическом родстве между *ἄμαξα* и *ἄμα*. Однако вслед за тем настанет черед слова *ἄξων*, отделенного от нашего места четырьмя строками, но еще звучащего в памяти, – тем более, что именно оно скрывается за местоимением *μιν* в ст. 26, – и мы, наконец, получим этимологию *ἄμαξα* из *ἄμα* + *ἄξων*, которая и объясняет весь отрывок: Медведицы называются *ἄμαξαι*, потому что они “бегут вместе с осью”. Можно лишь еще раз удивиться изощренному мастерству Арата: ст. 27 “Явлений” нельзя понять, не вспомнив гомеровских строк, но, как только мы их вспоминаем, между лежащим перед нашими глазами текстом и его бесхитростным образцом возникает сложный контрапункт, в котором буквально каждое слово Гомера обыгрывается, насыщаясь множеством разнообразных ассоциаций. Арат производит исходную форму (*Σείριος*) от производного слова (*σειριάω*), причем случай намеренно выбран столь очевидный, что никаких сомнений у читателя остаться не может. Это очень странный подход к языку, подход, так сказать, “сознательного этимологического произвола”, но мы немедленно узнаем его, если обратим взор к тому развитию, какое в стоической школе получили этимологические идеи, впервые намеченные в диалоге Платона “Кратил”. Прекрасный пример сообщает Диоген Лаэртий (7. 147): *Δία μὲν γὰρ φασὶ* [sc. *οἱ Στωϊκοί*] *δι' ὃν τὰ πάντα, Ζῆνα δὲ καλοῦσι παρ' ὅσον τοῦ ζῆν αἴτιός ἐστιν ἢ διὰ τοῦ ζῆν κεχώρηκεν* (“Они говорят, что имя «Дий» означает «тот, благодаря кому [существует] Вселенная», а именем «Зевс» они его называют в том смысле, что «он есть причина жизни», или же что «он

проникает [все] живое»»). Этимология здесь становится орудием исследования, средством постижения фактической природы вещей через их имена; в применении к теологии это означает раскрытие, путем “правильного” истолкования традиционных имен богов, правды о неантропоморфном божестве, мысль о котором так часто присутствует в “Явлениях”. И хотя этимологии Арата не касаются божественных имен напрямую, почти всегда они появляются именно в тех эпизодах поэмы, где ее автор – как всегда, не *expressis verbis*, а косвенно, изысканным намеком – затрагивает тему всеприсутствия божества: таково и описание Медведиц, и упоминание о “великом вестнике Зевса” Орле. Только учтя это, читатель окажется в состоянии понять всю многослойность значения таких отрывков “Явлений”, как катастеризм Козы и картина Млечного Пути.

Суммируя сказанное выше, попытаемся дать общую характеристику звуковых и, шире, языковых выразительных средств в “Явлениях”. Было бы, безусловно, так же наивно и нелепо полагать, что Арат всецело подчинил поэтическую форму своего произведения стоической теории, как и искать в стоических убеждениях поэта единственного объяснения особенностям структуры и композиции его труда, что безуспешно пытались сделать многие и многие его исследователи. Несмотря на то, что позиция автора “Явлений” – это позиция эпически отстраненного и бесстрастного созерцания, нетрудно разглядеть истинное вдохновение, которое движет поэтом и тогда, когда он вглядывается в безупречный механизм движения небосвода, и тогда, когда он обращает свой взор к разнообразию земного существования. И как любой вдохновенный поэт, Арат руководствовался прежде всего интуицией, чувством меры и гармонии во всем, что могло прибавить ясности, красоты и благозвучия его стихам. Поэтому так трудно бывает отделить в аратовой поэме филигранную стихотворную технику, хорошо знакомую нам по сочинениям его александрийских современников, от осторожного и нередко как будто нарочно скрытого от наших глаз экспериментирования. И тем не менее, мы видели, что материал “Явлений” неоднократно ставит нас перед такими фактами, которые *не могут быть объяснены более рационально и экономно*, чем если мы соотнесем их – невзирая даже на скудость дошедших до нашего времени независимых свидетельств – с теми новыми и только что возникшими воззрениями на сущность поэтического языка, которые именно в период работы над поэмой были свежим предметом оживленных споров и интенсивного поиска в кругах стоических

мыслителей, непосредственно близких нашему автору. Как во всем остальном, так и в области поэтической формы Арат, ни в коей мере не будучи учителем стоицизма, донес до нас отголоски многих тонкостей стоического учения.

В **заклюЧении** сделана попытка обрисовать художественный мир “Явлений” в его целостности. Внимательное прочтение античных биографических сведений об Арате вырисовывает перед нами поэта, творчество которого – по крайней мере в том, что касается крупных форм, – сосредоточено на двух таких “непоэтических” темах, как астрономия и медицина. Было, по всей видимости, много общего в его подходе к стихотворному перевоплощению этих предметов. В обоих случаях он не стремится ни отразить новейшие достижения науки, ни тем более внести в нее свой оригинальный вклад: в качестве источников его удовлетворяют трактаты, уже успевшие завоевать определенную репутацию и происходящие из авторитетных научных и философских школ. Ему нравятся контрасты между теоретической частью науки и ее же практической ветвью, и он не только не боится, но и находит весьма привлекательной идею соединить в одно художественное целое звездную астрономию и метеорологию или анатомию и фармакопею. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что намерения его, постольку, поскольку речь идет об использованном фактическом материале, – это намерения популяризатора, стремящегося придать научному содержанию ясную и запоминающуюся форму. Он не поэт-ученый в том строгом смысле слова, каким вскоре после него будет Эратосфен, но он и не тот абсолютный дилетант, каким рисует его апокрифическая история “обмена специальностями” с Никандром и каким его склонны представлять себе многие из современных исследователей. Мы можем только догадываться, что именно такой, сознательно популяризаторской, скорее всего была позиция Арата – автора медицинских поэм; но мы имеем право твердо настаивать на том, что таким было его отношение к содержанию “Явлений”. Дело не только в том, что Арат не раз предоставляет нам доказательства своей компетентности, уверенно выходя за рамки своей прозаической модели и, особенно в описании созвездий, внося свои дополнения, которые не только не нарушают целостность создаваемого образа, но и не вызывают противоречий в согласованной системе наблюдательных данных. Дело скорее в справедливости простого принципа, о котором говорит Теон Александрийский в своей биографии Арата (Vita III): “научного знания требует уже само умение изложить факты в иной форме”. Для того,

чтобы написать “Явления”, Арату не надо было знать новейшие астрономические теории, проводить самостоятельные наблюдения или изобретать сферическую тригонометрию: он сам четко ограничил свою задачу уже в заглавии поэмы, повторяющем название трактата Евдокса. Но если бы он не обладал ясным и продуманным знанием этой уже несколько архаичной, ориентированной на горизонт системы, то, попытайся он переложить звездный каталог Евдокса стихами, и всю его затею ждала бы неминуемая катастрофа. Катастрофы, как мы знаем, не случилось.

Итак, элементарная астрономия и практическая метеорология вовсе не были для Арата чужеродным предметом, к которому он испытывал чуть ли не отвращение. Но не были они и пределом его поэтических чаяний, и уж конечно, “бессонные ночи Арата”, о которых говорит Каллимах, не были потрачены только на то, чтобы переложить стихами содержание двух естественнонаучных трактатов. В “Явлениях” Арат, вольно или невольно, запечатлел весь свой мир. Он помнит кое-что из научной космологии, которую он изучал – читай: стоической космологии – и ему просто не придет в голову описывать мир по-другому; он помнит, что идеал устройства человеческого общества – это идеал всеобщего и абсолютного равенства, в том числе и равенства женщин; он помнит, наконец, что слова и звуки языка – это ключ к сущности вещей. Все это он с удивительным искусством инкорпорирует в цельную поэтическую ткань своего произведения.

Поэма Арата – это не проповедь стоицизма, а дидактический научно-популярный эпос, в котором стоицизм становится одним из важнейших элементов весьма изощренной поэтики. Да, стоицизм Арата играет ключевую роль в его поэме, но роль эта не так примитивна, как считало большинство исследователей. Арат – гораздо менее холодный и бесчувственный поэт, чем может подсказать отвлеченная тематика его трудов. Он интенсивно ощущает драму земного существования человека, и своему несколько искусственному, маньеристскому псевдо-гесиодовскому переживанию жизни в современном ему мире как тягостного бремени он противопоставляет надежду, знаки которой – на небесах, поднял голову и увидел.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

Небо, наука, поэзия. (Переводы с древнегреческого текстов Арата, Псевдо-Эратосфена, Псевдо-Геофраста, Леонтия Механика и Евклида; филологический и историко-научный комментарии, указатели) – М.: Издательство Московского университета, 1992. – 208 с.

Цезарь Германик. “Небесные явления”, ст. 430-530 (перевод с латинского) // Историко-астрономические исследования 20 (1988). – М.: “Наука”, 1988. – С. 356-358.

Словарь античности. (Перевод и редакция статей об античной философии, науке и технике) // М.: “Прогресс”, 1988 (переизд. 1993, 1994). – 10 п. л.

Раздел “Философия” // Методика и методология изучения античной культуры: культура классической Греции в зарубежных исследованиях. – М.: ИНИОН АН СССР, 1988. – С. 7-41.

Орфизм и Орфей // Личность и общество в науке и культуре античного мира. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – С. 49-69. (В соавторстве с В. И. Исаевой)

Знание, книга и библиотека в греко-римском мире // Личность и общество в науке и культуре античного мира. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – С. 177-191.

Античная педагогика: Теория и пути развития. (Анализ концепций) // Личность и общество в религии и науке античного мира. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – С. 156-176.

Lucretius: De Rerum Natura I, 4 // Балканские чтения - 1. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. – М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. – С. 55-58.

ΛΕΠΤΑΙ ΡΗΣΙΕΣ: структура поэмы Арата // Балканские чтения - 3. Материалы симпозиума. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – С. 42-45.

В печати находятся книги и статьи:

Явления. (Введение, греческий текст поэмы, перевод, комментарии, приложения, указатели, звездные карты). – М.: “Индрик” [зима 1996]. – 30 п. л.

Arato. Fenomeni. (Введение, комментированное издание текста, указатели). – Lorenzo Valla Editori [1997]. – 22 п. л.

Особые выразительные средства в поэме Арата // К 60-летию академика М. Л. Гаспарова. – М.: “Индрик” [1996]. – 1,0 п. л.

Миф поколений у Арата // Балканские чтения - 5. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН [1996]. – 1,5 п. л